

Глава 1. Семнадцатилетняя тоска

В последнее время Янь Шань места себе не находил. Если вкратце: он подозревал, что ему изменяют.

Все началось несколько дней назад. Янь Шань был погружен в работу, когда старый школьный приятель прислал ему несколько фотографий, сопроводив их бесконечной чередой восклицательных знаков.

На снимках красовался фасад офиса какой-то крупной корпорации. Высокий мужчина в безупречном деловом костюме придерживал дверцу автомобиля, пропуская вперед другого мужчину. На следующем кадре первый уже сидел за рулем, и машина скрывалась вдаль.

В мессенджере друг изливал праведный гнев: «Шань-шань! Большие деньги портят мужчин. Твой Господин Лу уже далеко не тот невинный одуванчик, каким был раньше! Гляди-ка, завел себе альфонса!»

Янь Шань замер, вчитываясь в сообщение. Слово «альфонс» резануло слух не сразу — поначалу он лишь мельком взглянул на фото и подумал: «Хм, а парень-то красавчик». И лишь мгновением позже до него дошло.

Его что... наставили рога?

Но они с Лу Цунбаем столько лет вместе, тринадцать из которых в браке. Разве это возможно? Янь Шань отказывался верить случайным, выхваченным из контекста кадрам.

«Может, это просто деловая встреча? — возразил он другу. — У него сейчас новый раунд финансирования, он по уши в делах».

Приятель промолчал. А через минуту прислал еще одну фотографию, сделанную уже в частном баре на окраине города.

«Он отвел его в ваше “секретное место”», — добавил он.

Янь Шань оцепенел. Этот бар был закрытым клубом для своих — изысканным, неброским и баснословно дорогим. Он редко выбирался из дома, но если уж выходил, то только туда. И Лу Цунбай всегда сопровождал его. Только его.

«Дружище, ты хоть иногда из своей скорлупы вылезай, — продолжал друг. — С твоей-то реакцией мужа уведут под носом, а ты и не заметишь».

Эти слова задели за живое. Янь Шань уставился на рабочий стол, чувствуя, как в голове

воцаряется звенящая пустота. Он просто не мог представить, что Лу Цунбай способен его разлюбить.

Что делать, если тебе изменяют? Неужели и их настигла пресловутая супружеская тоска? Чем он мог наскучить Лу Цунбаю?

Янь Шань открыл поисковик и дрожащими пальцами вбил: «Как правильно ловить на измене». Сеть тут же вывалила на него горы чужого горького опыта. Читать было больно. Истории одна хлеще другой: обманутые супруги находили следы помады на воротничках, чужой парфюм, сломанные пряжки ремней или, что совсем уж мерзко, пятна на белье. Итог всегда был один — крах.

Янь Шань забрел в какой-то чат для обсуждений. Бывалые тут же принялись раздавать советы: «Режь по живому, рви отношения сразу, не дай себя обобрать. Снимай все деньги со счетов, пока не поздно — это единственно верный путь».

Он растерянно вспомнил, что всеми финансами в доме распоряжается Лу Цунбай. У них было множество счетов, и Янь Шань понятия не имел, где лежат его собственные накопления. Как их забрать?

«Ну ты и попал, брат, — ответил ему сочувствующий аноним. — Девяносто девять процентов, что твоя благоверная... то есть благоверный, содержит этого юнца на твои же кровные».

Паника нарастала, сердце заходило в неровном ритме. А следом пришла тупая, выжигающая нутро обида. Работать он больше не мог — бросил планшет и принялся бесцельно кружить по дому.

Проходя мимо лестницы, Янь Шань наткнулся на зеркало. Из зеркала на него смотрел человек, чья молодость уже начала увядать. Многолетнее затворничество и работа в четырех стенах сделали кожу болезненно-бледной, губы — бескровными. Взгляд был потухшим и печальным. Высокий, костлявый... Конечно, в нем еще теплилось некое очарование «хрупкой красоты», но по сравнению с той яркой розой, которой Лу Цунбай открывал дверцу машины, он казался бледной тенью.

В этот момент мимо проходил их пес, огромная белая пиренейская горная собака. Пес вывалил язык, шумно дыша, и склонил голову набок, изучая хозяина.

Янь Шань посмотрел на собаку. И не выдержал.

Он опустился на пол, обхватил пса за шею и завыл — громко, надрывно и совершенно некрасиво. Пес от такой звуковой атаки окаменел, не смея шелохнуться. Янь Шань рыдал с

упоением, доводя каждую ноту своих стенаний до кульминации, достойной симфонического оркестра.

Неизвестно, сколько это продолжалось. Когда музыка его горя достигла апогея, в замке лязгнул ключ. Скрипнула дверь. Янь Шань осекся, инстинктивно подавляя всхлип.

Лу Цунбай вошел в дом, небрежно перебросив пиджак через руку. Заметив картину у лестницы, он застыл на пороге. Бросил вещи на диван, поспешно подошел, отогнал собаку и поднял Янь Шаня на руки.

— Что случилось, родной? Почему ты плачешь?

Янь Шань не смел признаться. Он закусил губу, но, понимая, что молчание выглядит подозрительно, выдавил сквозь икоту:

— Ри... рисунок. Никак не получается... У-у-у...

Лу Цунбай заметно расслабился, на его лице промелькнула смесь облегчения и нежности.

— Не получается — и бог с ним, — мягко уговаривал он. — Оставь, отдохни пару дней. Твои заказы все равно никогда не кончаются.

«Работа бесконечна, а отдых — в могиле». От этой мысли Янь Шаню стало еще горше.

— Нельзя! — заголосил он еще громче. — У меня контракт! Если не закончу, придется платить огромную неустойку!

Лу Цунбай склонился и поцеловал его в лоб.

— Неужели ты думаешь, что мы не потянем какой-то там штраф?

Янь Шань растерянно поднял голову, в его глазах всё ещё стояли слёзы. Лу Цунбай целовал его снова и снова, пока легкие прикосновения не переросли в глубокий, долгий поцелуй. Стало не до рыданий. Всхлипы постепенно затихли.

Успокоив мужа, Лу Цунбай вручил ему собачью игрушку и велел псу развлекать хозяина. Сам же, переодевшись в домашнее, отправился на кухню. Вечером он собирался опробовать новый рецепт.

Загремела посуда, зашипело масло на сковороде — начались привычные кухонные хлопоты Лу Цунбая после рабочего дня.

Именно тогда Янь Шань, улучив момент, тенью скользнул в спальню. Подозрительность взяла верх — он принялся обыскивать одежду мужа. Ему нужны были улики. Следы? Нет, чисто. Запах? Он принялся, но вместо чужого мужского парфюма почувствовал лишь слабый аромат больничного антисептика.

Фу. Какая гадость.

Янь Шань терпеть не мог больницы. Он вспомнил про пакет с лекарствами, который Лу Цунбай принес сегодня. Снова эти таблетки. Лу Цунбай настаивал, чтобы он их пил: «Ты слишком много сидишь взаперти, малыш. Ты вечно накручиваешь себя, у тебя перепады настроения. Это поможет тебе уснуть». Янь Шань не любил таблетки, но знал — если не пить, депрессия снова накроет его с головой.

Он переложил брюки и вдруг замер — сердце ушло в пятки. Под одеждой нашелся нераспечатанный презерватив. Янь Шань схватил его, но тут же узнал упаковку: это был тот самый, что остался неиспользованным после их вчерашней бурной ночи.

Ложная тревога. Сам себя напугал.

Янь Шань мысленно выругался. Провозившись полчаса и не найдя ни одного весомого доказательства, он почувствовал странное облегчение, смешанное с горькой жалостью к самому себе. Его поведение было жалким. Поведение обманутого, издерганного мужа.

На ужин была свинина в кисло-сладком соусе. Сахар всегда помогал Янь Шаню утихомирить расшатанные нервы. Он сидел за столом, ковыряясь палочками в тарелке, и наблюдал, как Лу Цунбай дрессирует собаку.

— Лежать! — скомандовал Лу Цунбай суровым тоном.

Большой белый пес послушно распластался на полу. Замер, преданно глядя снизу вверх. Цунбай поставил перед ним миску и потрепал по загривку.

— Хороший мальчик.

— Как давно он у нас? — спросил Янь Шань.

— Года три, кажется, — отозвался Лу Цунбай.

— А как давно мы вместе?

Лу Цунбай поднялся, принес из кухни чашку нежного яичного пудинга и поставил перед мужем.

— Смотря с какого момента считать, — с легкой улыбкой ответил он.

— С самого-самого начала.

Лу Цунбай задумчиво хмыкнул.

— Ох, это было так давно... Я уже и не упомяну.

Янь Шань замолчал, низко склонившись над тарелкой.

Семнадцать лет.

Они сошлись, когда им было по восемнадцать. В двадцать два поженились. Все эти годы их жизнь текла мирно, без крупных ссор. А теперь Лу Цунбай «не помнит».

В книгах пишут про кризис семи лет — когда страсть угасает, а партнер начинает раздражать. Неужели их настигла «семнадцатилетняя тоска»? Янь Шаню было невыносимо больно, но он изо всех сил старался держать лицо.

Ужин закончился, а память к Лу Цунбаю так и не вернулась. Янь Шань пытался наводить его на мысли, подталкивать к воспоминаниям, но Лу Цунбай лишь спрашивал, принял ли он лекарство.

Замкнутый круг.

Янь Шань порывался выложить все начистоту, показать ту злополучную фотографию. Но это выглядело бы слишком жалко. Глупо цепляться к случайному кадру, выставляя себя параноиком. В конце концов, он решил дождаться встречи с другом, чтобы обсудить дальнейшую стратегию.

После ужина Лу Цунбай устроился на диване с телефоном. Заметив, что Янь Шань переоделся в приличное пальто и явно намылился из дома, он нахмурился.

— Ты куда это собрался?

— В бар. Мы с Пэй-пэй договорились, — как можно небрежнее бросил Янь Шань.

— Нет. Ты сегодня выглядишь уставшим, — Цунбай покачал головой. Он встал и достал из шкафа поводок. — Идем гулять с собакой.

Янь Шань едва не взвыл:

— Пожалуйста, только не это! Я ненавижу спорт!

Этот большой белый пес за вечер наматывал по шесть-семь километров. Для затворника-художника такая нагрузка была смертельной. Но Лу Цунбай был непреклонен — Янь Шаню нужно было «проветриться».

Они препирались несколько минут. Янь Шань даже попытался проскользнуть в дверь, пока муж отвлекся, но Лу Цунбай перехватил его, обхватив за талию. Затащил обратно, повалил на диван и целовал до тех пор, пока у Янь Шаня не перехватило дыхание.

Художник капитулировал. Пришлось идти в парк.

Военный совет с другом сорвался. Весь вечер Янь Шань крутил педали велосипеда, нарезая круги вокруг парка Линьху за несущимся впереди псом. Он ожидал, что упадет замертво, но, как ни странно, выжил.

Дома, разгоряченные движением, они даже устроили шутливую потасовку в ванной, сражаясь за душевую лейку. Битва быстро переместилась в спальню.

В пылу объятий Янь Шань на время забыл о фотографиях. Лу Цунбай делал с ним то, о чем не принято говорить в приличных мемуарах, и в эти мгновения Янь Шань снова чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Все закончилось лишь тогда, когда Лу Цунбай решил, что пора спать. Никаких ночных бдений, никакого рисования до рассвета. Он крепко прижал Янь Шаня к себе, не давая пошевелиться. Оба тяжело дышали и были влажными от пота.

Янь Шань чувствовал смутное беспокойство. Он ворочался, никак не находя удобного места в объятиях мужа. Лу Цунбай убрал прилипшую к его лбу прядь волос, прижал горячую ладонь к его лицу и тихо спросил:

— О чем ты думаешь?

Конечно, он заметил. За столько лет он изучил каждое его движение. Янь Шань вздохнул и уткнулся носом в грудь мужа, слушая мерный, сильный стук сердца.

— Ты правда не помнишь, когда мы начали встречаться? — глухо спросил он из-под одеяла.

Лу Цунбай помолчал.

— Нам было по восемнадцать. Семнадцать лет назад.

— И кто первый признался?

Цунбай коснулся губами его виска.

— Я.

Янь Шань немного успокоился. По крайней мере, сейчас он чувствовал, что его любят. Ему хотелось верить, что Лу Цунбай по-прежнему принадлежит только ему.

Он чуть приподнялся, как котенок, потерся носом о подбородок мужа и прошептал:

— А-Цэ, ты любишь меня?

Лу Цунбай сжал его в объятиях еще крепче.

— Люблю. Очень.

— И я тебя люблю.

Спустя несколько минут Янь Шань наконец уснул.

Лу Цунбай продолжал неумолимо следить за его «физкультурой». Лишь на четвертый день в его компании наметился важный банкет, который нельзя было пропустить.

Для Янь Шаня это стал идеальный шанс.

Лу Цунбай, несмотря на вечернее мероприятие, поужинал дома вместе с мужем. Перед уходом, поправляя запонки перед зеркалом, он бросил взгляд на Янь Шаня. Тот сидел в кресле, уткнувшись в планшет с самым серьезным видом.

— Сразу после еды не сиди, — напомнил Лу Цунбай. — Походи немного.

Янь Шань даже не поднял головы, его перо быстро порхало по экрану.

— Я работаю. Не отвлекай меня.

Лу Цунбай подошел и просто выудил его из кресла, как котенка за шкурку. Янь Шань заболтал ногами в воздухе, отчаянно протестуя:

— Отпусти! Я не хочу гулять!

— Какая к черту работа? Ты уже полчаса пялишься в одну точку, не проведя ни линии, — Лу Цунбай был неумолим. — Врач сказал: движение — это жизнь.

За столько лет он выучил все уловки своего затворника. Он накинул на Янь Шаня куртку и вложил в руку поводок.

— Пять километров. И это минимум.

Янь Шань с мученическим видом сполз на диван.

— Может, не надо? Я так хочу просто полежать, правда-правда...

— Нет.

Лу Цунбай в своем строгом костюме выглядел воплощением надежности и успеха. Сверившись с часами, он затянул узел галстука и крепко обнял мужа на прощание.

— Малыш, если ты не разомнешься сейчас, ночью ты снова будешь плакать от тоски, — отрезал он и запечатлел на его губах короткий властный поцелуй.

Янь Шань насупился, но подчинился.

Они вместе спустились на лифте. Янь Шань в растянутом худи, с собакой на поводке; Лу Цунбай — статный, с пиджаком на сгибе локтя, проверяющий сообщения. В холле они разошлись: муж отправился на подземную парковку, а Янь Шань — к выходу.

Глядя в спину уходящему мужу, Янь Шань вдруг подумал: «А ведь это шанс. Нужно проверить машину».

Вдруг там найдется забытый галстук? Или что-то еще? Он помнил, как помогал подруге поймать любовницу ее мужа — тогда они нашли в машине целую гору улик, включая женское белье под сиденьем. Та сцена до сих пор преследовала его в кошмарах.

Это было чертовски страшно. Но сегодня Янь Шань решил, что пришла пора действовать.

<http://bllate.org/book/17575/1708125>